

с. 2.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

Человек в футляре. Рассказ А. П. Чехова. — Два типа. Повесть Г. А. Мачетта. («Русская мысль», июль, «Мир» Бажий, август).

В польской книжке «Русской Мысли» читатель найдет рассказ А. П. Чехова — «Человек в футляре». Рассказ этот занимает всего двенадцать страниц, но, тем не менее, он должен быть причислен к наиболее значительным и, на наш взгляд, к наиболее удачным и содержательным произведениям нашего талантливого писателя. Не знаем, впрочем, как на других, — на нас же новый рассказ г. Чехова произвел очень сильное впечатление, — даже более сильное, чем все другие его произведения. Мы не хотим сказать, что «Человек в футляре» в чисто-художественном отношении стоит безусловно выше прочих произведений г. Чехова: ни «Домъ с мезонином», ни «Ариадна», ни «Моя жизнь» со стороны чисто-художественной не уступают новому рассказу г. Чехова. И если он все-таки производит более сильное и более цельное впечатление, чем все перечисленные рассказы, то это объясняется тем, что «Человек в футляре» проникнут такой идеей, которой нельзя не сочувствовать, тогда как другие произведения г. Чехова чаще всего скрывают в себе взгляды и мысли, лишённые серьезного значения, а подчас просто парадоксальные: вместе с этим, и отношение автора к изображаемым им лицам и событиям в большинстве его произведений нельзя считать правильным, а потому, если автор — выражаясь словами Толстого — и «заражает» читателя своим настроением, то заражает лишь временно: настроение это ослабевает или совсем улетучивается, как только читатель выяснит себе точку зрения автора. Таковы, например, «Мужики» г. Чехова: непосредственное впечатление от этого рассказа очень сильное, но оно тут-же ослабляется потому именно, что для каждого беспристрастного и вдумчивого читателя становится ясной ложность и ошибочность основной идеи рассказа и точки зрения его автора. Таковы и другие произведения г. Чехова.

«Человек в футляре» в этом отношении составляет счастливое исключение. Замечательный по тонкости и глубине психологического анализа, по простоте и изяществу отблеска, — этот рассказ всецело проникнут страшно-ужасным настроением автора, которое

увидеть — здесь оказывается уже вполне законным в виду картины, нарисованной г. Чеховым, — настроением, под влиянием которого покойный Щедрин написал незадолго до своей смерти следующие строки: «Скучно и уныло смотреть, как умы вместо того, чтобы питаться здоровой пищею, постепенно наполняются испугом. Испуг до того влился в нас, что мы даже совсем не сознаем его. Это уже не явление, приходящее извне, а вторая природа. Мы перечитываем всевозможные загадочности и безусловно вѣрим, что таинственная их сила управляет миром и что судьбы истории всецело отданы им во власть. Но еще мучительнее думать, что этому мыслительному плану не предвидится конца, потому что и подростющее поколение, прислушиваясь к непрерывному голошению старших, незаметно заражается им. Простую мелочь, которая исчезла бы от одного дуновения здорового, освежающего воздуха, мы сумели превратить в мелочь изнуряющую!».

Эти слова великого писателя г. Чехов мог бы поставить эпиграфом к своему рассказу, потому что они как нельзя лучше определяют сущность содержания «Человека в футляре». Содержание нового рассказа г. Чехова — печальная история души, пригнетенной и обезображенной испугом, — испугом, которым в большей или меньшей степени заражены мы все, начиная с интеллигентных людей и кончая некультурными. И подобно герою рассказа, учителю Близкову — «человеку в футляре», мы все, под влиянием одолевшаго нас страха стремимся оградить себя от пугающей нас действительности той или иной оболочкой, тем или иным футляром. Как и Близкова, действительность раздражает нас, пугает, держит в постоянной тревоге. Подобно тому, как Близков, «чтобы оправдать свою робость, свое отращивание к настоящему, постоянно хвалил прошлое и то, чего никогда не было», так и у нас в литературе под влиянием того же чувства создаются разные метафизические, мистические, символистские и декадентские теории и преклоняются пред разными «мэонами» и перед тем, «чего нет на свете». Для поклонников подобных теорий всё в сущности является тем же галошами, фуфайкой, зонтиком, темными очками, теплым пальто с вѣчно приподнятым воротником, с которыми никогда, ни в какую погоду не разговаривал несчастный Близков и в которые он прятался от действительной жизни». «Всегда, даже в

очень хорошую погоду — рассказывает о Близкове его сослуживец, от лица которого ведется значительная часть рассказа, — он выходил в галошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вѣт. И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле, и сѣрой замши, когда он вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехлышке; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник. Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой и, когда садился на извозчика, то приказывал поднимать вѣт. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний».

Таков внешний облик человека в футляре, и этот облик находится в полном соответствии с его внутренним миром. Свое духовное «я» он так же ограждал футляром, как и свое тело, из вѣчного страха — «каждому не выпало»... «Как бы чего не вышло», — эта мысль была его мотом, всецело наполнила его душу. Можно без преувеличения сказать, что его, т. е. мыслью о том, «каждому не выпало», исчерпывалось все содержание его духовной жизни: он отстал в полном смысле слова его *idée fixe*. К сожалению, г. Чехов не показывает, как и почему, на почве каких именно условий, в его герою выросла до таких ужасных размеров эта мучительная идея, — болезненная сама по себе, но, к несчастью, вполне естественная и обычная для русского человека... Конечно, этот пробѣл до известной степени умалывает значение рассказа г. Чехова, но тем не менее для читателя и теперь Близков — разноречивость щедрина «мудрого писателя» — не случайный эпизод, ибо он (читатель) прекрасно знает, что боязнь — «каждому не выпало», на каждом шагу сопровождается и интеллигентного, и неинтеллигентного русского обывателя, но только в менее явной форме. И мы уверены, что читатель воспримет в жизни не одну и не две фигуры, к которым в большей или меньшей степени применимы следующие строки из характеристики Близкова: «Всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил приводили его в уныние, хотя, казалось бы, какое ему дело. Если кто из товарищей опаздывал на молебство, или доходил слухи о промахах гимназистов,

